

В.Д. ЧЕРНЯК

*(Российский государственный педагогический университет
им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия)*

КРУГ ЧТЕНИЯ РЕБЕНКА И ПРОБЛЕМА ВОСПРИЯТИЯ УСТАРЕВШЕЙ ЛЕКСИКИ

Аннотация: В статье рассматривается проблема восприятия детьми классических текстов детской литературы, написанных в советское время и отражающих историко-культурные реалии советской эпохи. Агнонимичность многих устаревших слов является препятствием для адекватного восприятия текста.

Ключевые слова: круг чтения, советизмы, культурные исторемы, агнонимы, лексикон и тезаурус ребенка, понимание текста.

Многие тексты детской литературы, на которых выросло не одно поколение россиян, насыщены лексическими единицами, непонятными или квазипонятными для современного школьника. Об этом, в частности, свидетельствуют экспериментальные данные диссертационного исследования Е.С. Дудко [Дудко 2010]. Семантические приращения, четко атрибутирующее слово как элемент «советского» вокабулярия, легко выявляемые в контексте людьми старшего поколения, современным ребенком (а также нередко его молодыми родителями) уже не распознаются. Не только в воображении детей, родившихся после распада Советского Союза, но и в памяти людей взрослых и это государство, и жизнь в нем стали мифом. Во многих работах сегодняшних школьников очевиден наметившийся культурный разрыв между поколениями, который может привести к полной утрате единого культурного кода. Для современного школьника новейшая история отечества начинается с распада СССР, а все предшествующие события сливаются с историей XIX и даже XVIII века и представляются очень давними. Вот лишь некоторые примеры из школьных сочинений: *«Когда-то в давние времена была война. Тогда город Ленинград взяли в кольцо блокады»*; *«Ленин – революционер Российской Федерации»*, *«В Советском Союзе отрубили кисти рук за воровство»*, *«Причиной*

распада СССР стала Октябрьская революция» и т.д. [Веселова 2004].

Сегодня произведения советской эпохи можно рассматривать как «памятники завершившейся цивилизации» [Чудакова 2007]. С течением времени становятся малопонятными слова ушедшей эпохи, увеличиваются фрагменты исторического пространства, не освоенные или недостаточно освоенные нашим современником. При этом произведения, созданные советскими писателями в середине XX века – К. Чуковским, С. Маршаком, С. Михалковым, А. Барто, А. Гайдаром, В. Осеевой, Л. Лагиным, В. Катаевым, Б. Житковым, Н. Носовым, В. Драгунским и др., – до сих пор остаются значимой составляющей круга чтения современного ребенка, весьма востребованной сегодня, о чем свидетельствуют многочисленные переиздания.

Стремительная динамика лексикона современного читателя, обусловленная как социокультурными, так и психологическими процессами, увеличение количества агнонимичной лексики, особенно той, которая соотносится с историческим прошлым народа, делает особенно актуальной проблему восприятия текстов произведений художественной литературы.

Советская действительность, воплощенная в текстах детской литературы XX века, стала историческим прошлым для целого поколения. В условиях быстрых изменений лексикона очевидна опасность разрыва культурной памяти, утраты общего кода поколений. Чтение произведений советских авторов, давно ставших классикой детской литературы, требует осмысления и комментирования многих реалий, понятий советского времени, прецедентных феноменов. Знание и правильное понимание хронологически отмеченной лексики – необходимое условие адекватного восприятия текста; между тем значителен разрыв между картинами мира писателей середины XX века и их сегодняшними читателями. В тезаурусе современного ребенка обнаруживаются существенные лакуны.

Уход в пассивную часть словаря слов, обозначающих исторические реалии, – характерная черта непрерывно происходящих динамических процессов в лексической системе. Понятие «агнонимы» соотносится с пассивным словарным составом, непосредственно связано с периферийными пластами лексики,

элементы которых имеют тенденцию со временем вообще утрачиваться языковой личностью. В текстах произведений для детей, созданных в советское время, значительное место занимают слова, полностью или частично агнонимичные для современного носителя языка младшего поколения: это и реалии быта (*корогаз, примус, корыто, промокашка, коммуналка, раскидай* и т.п.), и номинации, связанные с ушедшими в прошлое социальными отношениями (*комсомолец, пионер, партбилет, доска почета* и т.п.), и слова, активно используемые в современной речи, но изменившие свой семный состав, прежде всего коннотативные признаки (*собственник, частник, предприниматель, партия, карьера* и т.п.). М.О. Чудакова отмечает, что многие «советские слова» «потеряли специфическое советское значение, вернувшись в обычный речевой обиход» [Чудакова 2007: 358].

Агнонимичными для современного школьника являются не только историзмы, слова, характеризующие недавно ушедшую эпоху, но и имена собственные, являющиеся элементами советской персониферы. По наблюдениям исследователей, многие элементы советской персониферы абсолютно неизвестны младшему школьнику. Ленин, например, для многих не историческая личность, а полукарикатурный персонаж. «Анекдотические, в глазах одних, и обескураживающие, в глазах других, ответы детей и подростков на вопрос, кто такой Ленин, кажутся сегодня примечательными в главном – в идеологической и, во всяком случае, педагогической не востребованности знаний о главном персонаже еще, казалось бы, столь недавней политической и культурной мифологии» [Богданов 2008: 61], а также о культурной и социальной обусловленности восприятия прецедентных феноменов.

Приведем примеры восприятия и интерпретации детьми 8-9 лет одного из почти забытых прецедентных имен, представленных на страницах сказки В. Катаева «Цветик-семицветик»:

Пришла Женя во двор, а там мальчики играют в **папанинцев**: сидят на старых досках, и в песок воткнута палка.

– Мальчики, примите меня поиграть!

– Чего захотела! Не видишь – это Северный полюс? Мы девчонок на Северный полюс не берем.

– Какой же это Северный полюс, когда это одни доски?

– Не доски, а льдины. Уходи, не мешай! У нас как раз сильное сжатие.

На вопрос о том, кто такие «папанинцы», школьниками были даны следующие ответы: *папанинцы* – это такая игра; это люди, которые живут на Северном полюсе; это игра, заключается в том, что дети выдумывают, что они летают на разные полюса, в разные страны; *папанинцы* – это дети-фантазеры; экспедиторы на северном полюсе; люди, которые живут на севере; это эскимосы, которые живут на Севере; это типа, что дети на Северном полюсе, а сами папанинцы их жители; игра; это люди на северном полюсе (делают какую-то работу); игра заключается в том, что мальчики на северном полюсе, папанинцы – это люди, которые живут на северном полюсе (они не знают, как их называют, поэтому придумали такое название); это люди, обитающие на Северном полюсе; они не пускали девочек на Северный полюс (выдуманный); это игра, в которой сидят на старых досках, и в песок воткнута палка, папанинцы – это люди, которые играют в папанинцы; игра заключается в том, что дети выдумывают, что летают по свету, папанинцы – это люди, покорившие северный полюс; это кто поехал на Северный полюс, наверное [Дудко 2010].

Прецедентное имя *папанинцы* (легендарные исследователи Арктики, совершившие девятимесячный дрейф на льдине от Северного полюса до Гренландии), являвшееся одним из историко-культурных символов 30-х гг. XX века и успевшее в этом качестве попасть в Словарь Ушакова, абсолютно неизвестно современным школьникам (сема *Северный полюс*, несомненно, подказана контекстом). Фраза «Уходи, не мешай! У нас как раз сильное сжатие» для современного школьника без специального комментария оказывается лишённой смысла. Актуальный культурный и эмоциональный фон, который имел в виду автор, непонятен не только современным детям, но и их родителям и, вероятно, значительной части учителей.

Выходящие из активного употребления в конце XX века советизмы находятся на первой, самой ранней ступени архаизации или представляют собой группу «потенциальных историзмов» [Какорина 2000], поскольку остаются известными большинству носителей языка. К ним относится, например, слово *комсомол*, которое в своем историческом значении (впрочем, как и другие

реалии советского времени) связано с воспоминаниями о юности многих людей старшего поколения и сохраняется в языковом сознании значительной части современного социума (об этом говорят, в частности, данные «Русского ассоциативного словаря»). Однако для младшего поколения это слово, как и многие другие «потенциальные историзмы», являются историзмами в полном смысле этого слова.

Школьникам 8-9 лет было предложено прочитать фрагмент из «Денискиных рассказов» В. Драгунского и определить значение слова *комсомолец*:

Он достал с третьей полки гармошку и заиграл, и спел грустную песню про **комсомольца** (В. Драгунский. Денискины рассказы).

Ответы детей свидетельствуют не только о полной агномичности слова для многих, но и об ощущении некоторыми его хронологической отмеченности (очень выразительна характеристика: «старый гражданин России»): *комсомолец – человек; старый гражданин России; помогает природе; такой человек; национальность; про девушку; носил газеты; гаишник; такой человек; космонавт и молодец.*

Отметим, что за пределами восприятия современного читателя (отнюдь не только ученика начальной школы) остается важная интертекстуальная отсылка к популярной советской песне: «И без страха отряд поскакал на врага, завязалась жестокая битва. И боец молодой вдруг поник головой – комсомольское сердце разбито».

Безусловно, агномичность многих историзмов и архаизмов является закономерной, поскольку утрата определенных фрагментов словаря связана с естественным обновлением реалий окружающего мира. В то же время наличие «культурных исторем» в языковом сознании личности трудно переоценить. Именно их правильное понимание обеспечивает сохранение духовной культуры, преемственность поколений.

Функционирование агномичной лексики связано с «активизацией «зон риска» в лексиконе языковой личности, с увеличением семантической неопределенности в воспринимаемых и продуцируемых текстах» [Козырев, Черняк 2012: 111]. Необходимо учитывать, что агномимы, характеризую лексикон конкрет-

ной языковой личности в определенный момент ее развития, имеют тенденцию уменьшаться в количественном отношении при условии увеличения образовательного потенциала личности. Этому способствует, прежде всего, расширение круга чтения современного ученика, обязательное обращение к классическим произведениям русской литературы, в том числе к детской литературе советской эпохи, наличие доступного, соответствующего возрасту ребенка комментария к хронологически отмеченной лексике.

Откликом на актуальные запросы времени стали появившиеся в последние 10-15 лет различные по объему, форме представления материала, художественным достоинствам произведения. Интенция их авторов – закрепить в лексиконе и тезаурусе современников, прежде всего принадлежащих к постсоветскому поколению, уходящие (или уже ушедшие) в прошлое лексические единицы, воскресить в сознании читателя картинки быта, сформировать определенную нравственную оценку событиям и реалиям прошлого. В новом литературном жанре, представляющем в различных вариациях комментарии к хронологически отмеченной лексике, воплощающей реалии советской действительности, написаны, в частности, книги, адресованные детям.

Автобиографическая повесть Н. Нусиновой «Приключения Джерика» представляет развернутый метаязыковой комментарий к хронологически отмеченной лексике. Советизмы-идеологемы и бытовые реалии автор обычно графически выделяет в тексте (одно из средств языковой рефлексии), а затем комментирует их в конце произведения в своеобразном словарице «трудных и советских слов». Языковая рефлексия присутствует уже в обращении автора к читателям:

«Книжка, которую вы держите в руках, – это история собаки, но одновременно это еще и история ее хозяев, история семьи, жившей в совсем, казалось бы, недавнее время, – но, оказывается, уже в прошлом веке, а главное, в другую эпоху, которая *теперь называется «советские времена»*. Кое-что из той жизни вам уже непонятно: *исчезли из русского языка многие слова, исчезли приметы того времени, изменилась психология людей*».

В «Списке трудных и советских слов» автор помещает лексические единицы в мини-контекст, дающий юному читателю

возможность понять или уточнить их смысл, а следовательно, и адекватно воспринять текст произведения в целом, причем некоторые метаязыковые комментарии можно рассматривать как отдельные речевые произведения – канонический текст-рефлексив. Приведем пример развернутого высказывания по поводу лексемы *капитализм*:

Капитализм – это то, что бывает за границей, когда нет социализма. Нам объясняли, что там у них буржуазная пропаганда и они только и думают о том, как бы кому навредить. Еще там есть угнетение и эксплуатация человека человеком, много продуктов и всякой красивой одежды. Нам туда лучше не ездить, а уж если кто поехал, тому нельзя ничего вывозить. Чтобы другие не видели, что там есть. <...> Для того чтобы поехать во все эти страны, надо пройти выездную комиссию и получить разрешение. Но лучше всего путешествовать в мечтах – это можно и без разрешения (только никому не надо об этом говорить).

Известный литературовед М.О. Чудакова в последние годы создает ряд книг, призванных не только привлечь ребенка занимательным сюжетом, но и обогатить его тезаурус. Это приключенческая трилогия «Дела и ужасы Жени Осинкиной», книга о книгах «Не для взрослых! Время читать. Полка первая», «Егор: биографический роман». Последняя книга – адресованная детям биография Е.Т. Гайдара – преследует цель не только рассказать о судьбе человека, которым автор явно восхищается, не только, используя разнообразные формы метаязыкового комментирования, создать представления о реалиях второй половины XX века, но и сформировать у юного читателя определенное отношение к ним, Приведем небольшой текстовый фрагмент:

Дефицит – это когда всем необходимых товаров на всех не хватает. За ними – огромные очереди. Такие очереди – многочасовые – стояли, например, на улицах Советского Союза за туалетной бумагой. И принято было, купив штук десять рулонов – (демонстрируя для этого отстоявших в очереди детей или внуков!..), нанизать их на бумажную веревочку, повесить на шею – и гордо идти по улице с этим добытым в боях ожерельем...

А кто мне не поверит, пусть спросят у своих бабушки и дедушки – они не дадут соврать!

<...>В России те, у кого память не отшибло (таких тоже немало), хорошо помнят, что в 1970-е годы «достать» (напомню еще раз, что слово «купить» – безо всякого преувеличения! – постепенно исчезло из повседневной речи) хорошую одежду, обувь, колбасу и прочее было все труднее и труднее...

«Детская литература выполняет в отношении общей литературы особую функцию дублирующей системы: помимо решения в каждую эпоху конкретных воспитательно-образовательных задач, она обеспечивает сохранность наиболее важных художественных открытий, сделанных в литературном процессе, и транслирует их в дальнейшие фазы развития общей литературы», – справедливо отмечает И. Арзамасцева [Арзамасцева 2006: 4]. Не будем при этом забывать о еще одной важной функции литературы для детей – сохранении культурной памяти и «памяти слова».

ЛИТЕРАТУРА

Арзамасцева И.Н. Художественная концепция детства в русской литературе 1900-1930-х годов: дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2006.

Богданов К.А. Самый человечный человек // Веселые человечки: Культурные герои советского детства. – М., 2008.

Веселова А. Советская история глазами старшеклассников // Отечественные записки. 2004. № 5 (19) http://magazines.russ.ru/oz/2004/5/2004_5_9.html

Дудко Е.С. Хронологически отмеченная лексика в текстах детской литературы XX века: проблемы динамики лексикона: дисс. ... канд. филол. наук. – СПб., 2010.

Какорина Е.В. Трансформация лексической семантики и сочетаемости (на материале языка газет) // Русский язык конца XX столетия (1985-1995). – М., 2000.

Козырев В.А., Черняк В.Д. Современная языковая ситуация и речевая культура. – М., 2012.

Чудакова М.О. Новые работы: 2003-2006. – М., 2007.